

Январь. Эти долгие зимние ночи наполняют меня размышлениями. Образы из прошлого. Они задерживаются, проносясь у меня в голове. Не давал мне уснуть все эти годы спустя. Бесчисленные часы, вглядываясь в темноту, моя спящая жена свернулась калачиком рядом со мной в постели нашего уютного дома. Подростки спят наверху. Через несколько коротких лет они будут предоставлены сами себе.

Если вы среднего возраста, как и я, большая часть вашего прошлого несущественна, забыта. Просто череда повторяющихся дней длиной в десятилетия. Но некоторые дни никогда не покидают тебя. Некоторые хранят секреты. Восхитительные воспоминания. Те, которые ты переигрываешь ночь за ночью. А может, и нет. Бывают дни, когда тебе следует просто ускользнуть от них. Некоторые секреты вообще не следует раскрывать.

Я не могу навесить ярлык, котором скажет что это для меня. Я продолжаю нажимать кнопку воспроизведения. Есть необходимость в том, чтобы понять, что это значило для меня. Поэтому я перелистываю свое прошлое. Разбирая те ленивые летние дни давным-давно, в поисках какой-то правды.

Ночью в постели, и без предупреждения, звуки тоже возвращаются из давних времен. Сверчки стрекочут в вечерних полях. Цикады, вибрируют на деревьях. И наши шаги — мамыны и мои — поднимались по узкой темной лестнице на чердак. Чердак моих бабушки и дедушки.

* * *

У них был дощатый фермерский дом за городом. Они жили там со времен Великой депрессии. Продуваемое сквозняками двухэтажное здание, большое и неровное, с крутой металлической крышей, изношенными половицами. Потолки были высокими, лестницы скрипели. Мебель и ковры, потертые и обесцвеченные от времени, но удобные. За домом — тишина табачных полей и бесконечные ряды соевых бобов под жарким летним солнцем. Соседей не видно.

Огибая переднее крыльцо, можно было увидеть качели и множеством деревянных кресел-качалок, которые мой папа находил самыми невыносимыми. Ему не нравилась сельская Америка, когда он вот так сидел на крылечках и коротал вечера. Напрасно потраченное время, сказал бы он. Слишком много тишины. Все так тихо. Вот почему он как можно чаще избегал двухчасовой поездки к родителям моей матери и дому, в котором она выросла.

Но только не я. Когда я был маленьким мальчиком, я любил эту ферму. По крайней мере раз в месяц, всегда субботним утром, я обнаруживал, что сижу у окна со стороны пассажира, высунув голову, чтобы поймать ветер, пока моя мама вела наш старый двухцветный "Шевроле" 64-го года по проселочным дорогам к дому бабушки. Одна рука на руле, другой она убирает волосы с лица. Мы ехали с опущенными стеклами. Она была худой и по выходным надевала простые солнечные платья, легкие и воздушные, ниспадающие от талии. Обычно бледно-желтые или в цветочный узор, подол тянулся выше колен в машине, чтобы поймать любой ветерок. Она скидывала босоножки, чтобы жать педали босиком. Я скидывал кроссовки, снимал носки. Такие приятные воспоминания. Одни из лучших.

Сидя на крыльце, бабушка приносила нам сладкий чай со льдом. Пока они с мамой разговаривали, дедушка катал меня на своем тракторе на дальние окраины фермы, а потом возвращал. Просто для развлечения. Люди с других ферм заглядывали позже, чтобы немного посидеть. Истории рассказывались до самого вечера. А потом наступила абсолютная темнота. Никаких уличных фонарей, конечно. Все снаружи становится черным. Только Млечный Путь наверху. И одна слабая зажженная лампочка, свисающая с потолка веранды.

- Ты готов? - спрашивала моя мама.

Каждый раз я следовал за ней внутрь, держась за перила, шаг за шагом поднимаясь на второй этаж. Затем по длинному коридору мимо старых, неиспользуемых спален ее братьев. Открыв простую тяжелую дверь, мы начали крутой, неприступный подъем в темноте, вверх по невероятно узкой лестнице, стены смыкались, резко сворачивая влево и к другой двери. Вход на чердак. Внутри была спальня, которую она знала еще девочкой.

Она была маленькой, с неуклюжим потолком в виде А-образной рамы и всего одним окном. Все это лоскутное пространство, стены сколочены дедушкой. Поначалу мне это было не по себе. Мебель выцветшая и потертая, из другого времени. Маленький прикроватный столик и лампа. Шкаф из красного дерева у противоположной стены, его отделка стала черной. Зеркало в полный рост на его двери. Рядом с ним стоял деревянный стул. Все это из рук вон плохо. Образы, которые остаются яркими и по сей день.

Мать спала на бугристой двуспальной кровати. У меня на полу лежал спальный мешок. Наверху медленно работал потолочный вентилятор. Небольшой газовый обогреватель пола с одной стороны. Тесная ванная комната с туалетом и ванной на ножках. Больше ничего. Все это вызывало клаустрофобию, было тускло освещено и тихо. Едва хватало места, чтобы передвигаться. Затхлый запах, сказала она мне, чувствовался даже тогда, когда она была в моем возрасте. Я засыпал, как только моя голова касалась подушки.

Годы шли, поездки складывались, каждый раз заставляя нас снова на том крыльце, спящими в ее старой спальне. В ней появилась какая-то привлекательность, хотя бы из-за её причудливого уюта. Мне было 27 лет, я заканчивал аспирантуру, когда начались перемены. В течение одного предсказуемо жаркого июля.

* * *

В течение нескольких часов мы убрали паутину и беспорядок в сарае, наша одежда промокла от пота. Это была одна из наших теперь уже двухмесячных поездок на ферму. Все для того, чтобы помочь моему дедушке, у которого к тому времени было слабое здоровье. Изнеможение поглотило нас. Переехав после ужина на крыльцо, мои бабушка и дедушка сели в те качалки, бабушка разбивала бобы из миски на коленях. Я качалась на качелях рядом с мамой, она была в своем обычном солнечном платье. С наступлением темноты бабушка и дедушка удалились на ночь.

Мы с мамой откупорили бутылку красного вина, украдкой пробравшись из машины. Мы

потягивали его из стаканов с соком, украденных с кухни. Медленно раскачиваясь взад и вперед. Качели скрипят. Мотыльки порхают вокруг одинокого фонаря на крыльце над головой. Несколько светлячков вспыхивают и гаснут в темноте. Ночная жара лишь немного менее изнуряющая, чем дневное солнце. Где-то в сладком аромате зеленых культур и богатой почвы я мог уловить знакомый аромат ее кожи. Ее пот смешался с легким ароматом духов на запястье, когда она подняла свой бокал. Она была так близко. Налив, может быть, слишком много стаканов, она встала.

- Ты готов? - спросила она. Мы направились внутрь.

Я не хочу вводить вас в заблуждение. Мать не была моложавой пышногрудой блондинкой. У нее было узкое лицо спокойной и серьезной школьной библиотекарши средних лет, которой она и была. Высокая и худая брюнетка с внимательными глазами и шоколадно-каштановыми волосами, зачесанными назад, с шеи. Поседевшие тут и там, с несколькими серебряными прядями. Прямой нос, губы, постоянно готовые расплыться в широкой улыбке, но так и не расплывшиеся. Это был просто ее взгляд. Хорошо одетая в школе, скромная мода, низкие каблуки. Она не считала себя привлекательной. Это правда, она не была выдающейся, но симпатичной.

Я считал ее порядочной женщиной. Порядочной, уважаемой. С врожденным чувством ответственности. Женщина с образованием, с хорошими манерами, тщательно подбирала слова и держала свое прошлое при себе. Она часто молчала. Для меня это признак утонченности. Я восхищался этим. Она собирала черно-белые фотографии. Это было ее хобби. Сцены с давних тротуаров и площадей Нью-Йорка, Парижа, Берлина. Фотографии достаточно большие, чтобы их можно было вставить в рамки и развесить по стенам нашего дома. Большинство из них были из толпы, сидевшей в уличных кафе. Столы, за которыми можно было сидеть и наблюдать за жизнью, не участвуя в ней. Места, куда она знала, что никогда не попадет. Ей было 52 года.

Когда мы устроились в спальне на чердаке в ту июльскую ночь, я ждал потного сна, слушая громкие брачные крики цикад в лесу и июньских жуков, бьющихся о сетку нашего открытого окна. Никакого кондиционера. Переросший спальный мешок, я лег рядом с мамой на двуспальную кровать. Она в своей обычной темной летней тонкой пижаме, я с обнаженной грудью, в боксерах. Мы делали это много раз раньше. Потолочный вентилятор не принес особого облегчения. Пот, казалось, не покидал мою кожу. Я почувствовал какое-то движение, а затем наблюдал в тени, как моя мать подтянула колени к груди, немного приподняла бедра и одним медленным, тихим движением стянула нижнюю часть пижамы, оставив себя в трусиках. В конце концов, мы заснули.

Проснувшись через некоторое время, я на ощупь добрался до ванной. Осторожно закрыв дверь, я встал в темноте у туалета, мои глаза привыкли, и протянул руку через боксеры. Я начал мочиться. Голова кружилась и немного подташнивало от вина.

Остальное, казалось, разворачивалось в замедленной съемке.

Дверь открылась. Включился свет. Моя мать стояла у дверного косяка. - Прости. Я подумала, может быть, тебе плохо, - сказала она, - слишком много вина. Мы слишком много выпили, ты

же знаешь, - ее голос был хриплым со сна.

Но она не ушла. Это была самая странная вещь, действительно необъяснимая. Вместо этого она прислонилась плечом к дверному косяку, скрестив руки на груди, и начала разговор, а я был не далее чем в шести футах от нее с членом в руке и струей мочи, выходящей дугой, затем, изогнувшись, упавшей в воду, громко плескаясь.

- Я думаю, это может быть одна из наших последних совместных поездок, - сказала она. - Когда окончится аспирантура, ты пойдешь на какую-нибудь работу. - Ее глаза опустились на мой пенис, затем поднялись на мое лицо, а затем снова вернулись. Она пыталась скрыть это, но я мог сказать. А потом самое странное чувство пронеслось по моим чреслам. Это болезненное, брезгливое ощущение неприличного разоблачения. И все же я ничего не сделал по этому поводу.

<http://tl.rulate.ru/book/442/4828>